Это было всегда. Это будет, несмотря на Интернет и умопомрачительные гаджеты, на информационные потоки, лавины и сели, обрушивающиеся на головы современников, на телевизионные истерики ток-шоу и чудовищное хладнокровие новостей. Это будет всегда: желание услышать историю — из прошлого ли, настоящего ли, будущего — так, как будто происходит она здесь и сейчас и требует для себя живого сочувствия. Слушая её, ты вдруг непостижимо ощущаешь себя живым и настоящим, и всю глубину времени в себе, в своей крови — чувствуешь абсолютно реально, как будто только так могло и может быть.

Рассказчиков ценят именно за это. История сохранила факт, что издавна на Урале, в котле народов, в междоусобных схватках, среди попавших в плен к чужакам у хорошего рассказчика было больше шансов выжить,

потому что долгими зимними вечерами он уводил за собой слушателей то в быль, то в сказку. Где, что, когда услышал — заплетал он в причудливый сюжет, непременно с «переживательными» подробностями, памятными приговорками. Плясал огонь в очаге, таили дыхание слушатели, и всё многоцветное узорочье жизни, и суровая школа её, и промысел Божий в судьбах становились понятнее, ближе, постижимее.

Прошли века, накопились библиотеки, размножились сайты — но в человеке-то ничего не изменилось. И, открывая книгу, буквально с первых страниц понимаешь: вот он, рассказчик — азартный, увлечённый, ради красного словца ничего не жалеющий, любящий жизнь и живущий поэтически азартно, знающий свою силу и умеющий «показать товар лицом»:

Весна-дворняга солнечным оскалом
Зиме грозила: «Береги бока!»
Пригожий лик под ледяным забралом
Таить устала стольная река,
И лопнула морозная тесёмка.
Шлем по теченью сбросив за спиной,
Приподнялась Москва. С утра позёмка
Котлы проталин сдобрила крупой...
<...>
Материя разложена по штукам,
Бери любую — не жадись, плати.
Моченья и соленья, связки лука,
Бочонки мёда, пирогов ломти...
Глаз маслится от снеди изобильной!
Весна-дворняга, изойдя слюной,
На жарких лапах кралась мимо мыльни
С окошками из плёнки слюдяной.

Живая речь, соединяющая в целое рассказываемой истории самые разные пласты — исторические, культурные, не брезгующая, а порой буквально блистающая просторечиями, перехлёстывающая за условности поэтической формы — что может быть увлекательнее для благодарного слушателя? Ведь тут вам не простак-балагур, а философ, выбирающий сюжеты со смыслом, превосходящим привычное обыденное разумение. Вот смерть младенца от «родимчика»:

<...>
Как бисером расшитая дорожка —
Небесный самотканый рушничок,
Чтоб по нему прошли босые ножки,
Не обморозясь, в облачный чертог.
<...>

Не чахнуть внуку в царской каталажке
Не гнить в окопах Первой мировой…
У Марьюшки родился сын в рубашке
И умер в ночь под самый выходной.

Где от полозьев чёрные полоски
Морщинами легли на ровный снег,
Метель морозно-ветряной двухвосткой
С плеча хлестала уходящий век.

Увидеть и вплести крохотную младенческую судьбу в судьбу гигантской штормовой эпохи — для этого надо быть творцом в чистом, исконном смысле слова, замахнуться мыслью на таинственный Божий замысел о нас… Это очень по-русски, немногословно, но многоцветно и безмерно.

Вообще Виталий Молчанов — наш, русский рассказчик. Он не будет плести прихотливые восточные орнаменты говорения — даже в «восточных» своих стихах, не стремится вывести прямой однозначный вывод из жизненного сюжета — просто рассказывает, просто даёт уму и сердцу цельную картину мира, не всегда всем понятную логически. В ней ценно другое: вот эти самые связи, соединяющие человека со звёздами, умершего младенца — с грядущим веком, да и сама словесная ткань, в которой все эти соединяющие нити-смыслы вспыхивают мгновенно, в каждой строке:

Помню, ведомый отцовской рукой, — где та рука —
Шёл я по лестнице вверх винтовой мять облака,
Скатывать в комья ребячьей мечты небо, как снег.
Звёзды свои занимали посты, чуя набег
Тьмы, пожирающей солнечный диск. В эти часы
Вспыхивал факел — сонм пляшущих искр Гыз галасы.

А если это так — становятся понятными и пристрастность поэта к историческим, фольклорным, библейским сюжетам — сюжетам на все времена, и необычайная плотность стиха, когда привычная для современника ритмическая сетка гудит и качается под тяжестью плотных метафор:

Встретилась мне у подъезда тоска в рваном ботинке.
К сахарной пудре седого виска липли снежинки,
Белыми мухами лезли под плащ эры застоя.
Мёртвый поэт был согбен и дрожащ, взгляд беспокоен.
Мерно качался фонарь на столбе, ветром влекомый,
Словно адепт в непрерывной божбе. — Выйти из комы
Ты не сумел, хоронили тебя с миру по нитке,

Как и сейчас, в первый день
декабря — снежный и липкий.
Лезвием в небо нацелен был
нос, в пальцах — иконки,
Пением батюшка — бывший
матрос — рвал перепонки.
Комья ронялись на гроб
тяжело в паре морозном,
Сверху ткачиха швыряла
назло зимнее кросно,
Видно, решила земле
сгоношить кипенный саван.
Мать причитала: «Эх, бросил
бы пить горькую сам он».
После поминок родне и гостям
выдала ложки,
Нам же — по книжке, как
старым друзьям,
в мягкой обложке,
Чтобы читали твои стихири
денно и нощно.
Книжку забросил я… Брат,
извини, если возможно.

И кто же поставит в вину рассказчику его упоение речью и сюжетом, его вживание в чужие судьбы — и виденье сквозь них судьбы своей? Ведь нельзя не увлечься этой стихией, невозможно втиснуть её в сугубые филологические рамки, не стоит выверять строчки по ритмической линеечке, потому что речь — живая, пульс у неё — живой, и логика — собственная, пусть порой и угловатая, но ведь в этой угловатости и таится — жизнь!

Как размашисто крут
дирижёр! Это шторма
прекрасное престо —
Перелом, поворот-оверштаг,
лязг запора, распяливший
дверь,
И надежда в глазах у щенка
на концерте для флейты
с оркестром,
Что любовь нереально жива
в череде бесконечных потерь.
В океане земной суеты нас
Вивальди выводит из дрейфа —
Одинокий с рыжинкой старик,
в нищете скоротавший свой
век.
Пусть поёт и вибрирует в
такт вместе с сердцем
чудесная флейта
Так, что хочется всё изменить,
и слезинки ползут из-под век.

Русскому рассказчику равно дороги все поводы для душевного разговора, дабы скоротать — вечер ли, век… Вот печальный, но счастливо разрешившийся дорожный анекдот про случайный фингал от упавшего с полки баула:

Непруха, братцы, одна
не ходит:
Семь лет по зонам. Обидно.
Больно.
Не крал, не дрался, ну,
выпил вроде, —
В двенадцать завтра сходить
в Раздольном.
Там встретит Катя, а я
побитый.
— Такое, — спросит, — твоё
«с начала»?
Забился в угол несчастный
мытарь.
Земля на рельсах состав
качала,
<…>

Сейчас заметит позорный
штемпель —
Фингал проклятый — пошлёт
подальше.
Вороны лают про быль и
небыль,
И в этом лае так много
фальши.
Но встали рядом сосед с
соседкой
И проводница, и полвагона.
Сказали, мол, чемоданы
метко
Влетают в скулы — без
лжи и гона,
Что ты в дороге не пил,
не дрался…
И взгляд смягчился, стал
тёплым, прежним.
С плаката рядом вам
улыбался,
Нахохлив брови, геройский
Брежнев.

Но есть и другой, масштабный поэтический сюжет, где оренбургская святыня — Табынская икона Божьей Матери — проводит оренбуржцев через смуту Гражданской войны. Утрата и обретение — испытания, открывающие смысл русской жизни, в которой всегда спасает вера:

Трижды с матушкой-Иконой
Обошли весь град вокруг:
Прекратились смерти, стоны,
Вытер слёзы Оренбург…

Но что такое вера? Ведь это то самое тайное, интуитивное знание о единстве и неразрывности мира, о его сквозных законах воздаяния и прощения. А в основе цельности — понимание, что человек един со своей землёй, кровно соединён с её историей, и чтобы ничего не забыть, истории нужно, рассказывая, проживать так, как будто они произошли не вчера или несколько веков назад, а так, как будто они живут всегда, здесь и сейчас.

Интересна технология создания фресок — со сквозным видением будущего сюжета, с волевой решимостью творца и азартом созидательного порыва — по сырой штукатурке, без возможности что-то подправить после… Но разве не так мы проживаем всю свою жизнь, без черновиков, набело? Разве не так рассказывает нам автор нашу собственную историю — дальнюю и недавнюю, говорит о своих собственных переживаниях и сомнениях?

Книга Виталия Молчанова «Фрески» объединяет очень разные стихи. Это разнообразие, тематическое и формальное, эта плотность и порывистость метафор создают узнаваемый авторский язык, притягательный образ рассказчика, философа от жизни, от её непростых исторических и душевных коллизий. И, думается, время таких рассказчиков — сегодня и всегда, пока человеку интересен человек и Божий мир вокруг нас.